
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 4 журнала «Советская этнография» за 1956 г. напечатана статья Н. Л. Членовой «Несколько писаниц юго-западной Тувы».

Статья Н. Л. Членовой посвящена публикации небольшого количества наскальных изображений, известных на территории Тувинской автономной области. Автор совершенно правильно замечает, что «каждый новый памятник из Тувы, а тем более из ее юго-западной части, представляет большой интерес» (стр. 46). Однако писаницы, о которых идет речь в статье, не являются новостью для археологов, работающих в Южной Сибири (за исключением наскальных изображений с речки Саглы, рис. 12 и 13). Публикуемые рисунки собраны еще в 1942 г. экспедицией Тувинского музея (см. Н. Богатырев, О тувинских памятниках древности, журн. «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1942, № 2), и оригиналы их хранятся поныне в музее г. Кызыл. В 1946 г. участники Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, работавшей под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой (при участии автора настоящего письма), ознакомившись в музее г. Кызыла с упомянутыми выше рисунками сделанными не точно и на глаз, признали необходимым вновь посетить эти (и многие другие) писаницы Тувы с целью фотографирования их и снятия с них точных эстампажей. Эта работа была выполнена в следующем, 1947 г., и ныне фотографии, эстампажи и кальки хранятся в фонде указанной экспедиции (см. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», XXVI, 1949, стр. 120—127).

Вызывает недоумение тот факт, что Н. Л. Членова, зная о работах Саяно-Алтайской экспедиции 1947 г., предпочла опубликовать попавшие к ней копии с недоброкачественных рисунков 1942 г. Это обстоятельство привело Н. Л. Членову, никогда не видевшую в натуре публикуемых ею наскальных рисунков, к досадным фактическим ошибкам.

Мы в данном случае не касаемся существа интерпретации и не определяем правильности датировок, даваемых автором, о чем читатель сможет составить собственное мнение. Укажем лишь на то, что могло остаться читателю неизвестным.

Прежде всего, не вдаваясь в перечисление неточностей изображений и их деталей, укажем, что рисунки на скалах близ пос. Тээли нанесены не древней «точечной техникой» (как указывает автор на стр. 62, рис. 14—18), а красной краской двух оттенков, и относятся они не «ко времени не ранее VIII в. н. э.», а являются современными рисунками тувинцев конца XIX и начала XX в. Правильно полагая, что «основой для датировки писаницы в каждом отдельном случае могут служить изображенные на ней предметы материальной культуры, датировка которых не вызывает особых сомнений», Н. Л. Членова, не будучи знакома с материальной культурой тувинцев недавнего прошлого, принимает изображение охотника, стреляющего в марала из кремневого ружья на сошках (рис. 15), за человека, «по-видимому», стреляющего «из лука» (стр. 60).

Н. Л. Членовой неизвестно также, что наряду с ружьями в XIX и даже в начале XX в. тувинские охотники-бедняки употребляли лук со стрелами (в том числе и с вильчатыми наконечниками — рис. 16, которых, кстати, не обнаружено в памятниках Южной Сибири, относящихся к VIII—X вв.) и что даже в наши дни в таежных аалах можно приобрести подлинные тувинские стрелы.

Иллюстрируют тувинский быт и другие изображенные на этой писанице сцены: ловля коня «уруком» (рис. 17) и охота на оленя (рис. 16), сцены с верблюдами (рис. 17) и лошадьми (рис. 18).

Конечно, Н. Л. Членова не могла знать и целого ряда других изображений этой писаницы близ Тээли, копий с которых она не имела. А между тем мы в 1947 г. видели рядом с воспроизведенными в статье рисунками и другие: пятиконечные звезды, имена тувинцев, написанные буквами латинского алфавита, введенного в Туве в 1930 г. Все эти изображения и надписи были нанесены на поверхность скалы той же красной краской.

Таким образом, изображения на писанице у Тээли продолжали воспроизводиться тувинцами вплоть до 1930-х годов, и у нас нет гарантии, что через год — два археологам не придется увидеть на этих скалах новых рисунков, которых не было еще в 1947 г.

Все это заставляет думать, что, публикуя эти рисунки как «писаницы» современных тувинцев, а не как «древние» памятники, Н. Л. Членова оказала бы большую

услугу советским этнографам, которым наскальная живопись тувинцев еще мало известна.

Вместе с тем ясно, что археологи никак не могут принять вывода автора статьи, который гласит: «Точечная техника нанесения писаниц, по крайней мере в Туве, не является признаком исключительно тагарского времени, а продолжает существовать и гораздо позже. Доказательством является публикуемая в этой статье писаница из окрестностей с. Тээли».

Отметим также, что вряд ли возможна правильная интерпретация известных изображений на скале Бижикиг-хая у г. Кызыл-Мажалыка (стр. 47—53) без привлечения имеющихся на той же скале других, оставшихся неизвестными Н. Л. Членовой изображений (в частности — второй большой фигуры птицы).

В заключение пожелаем Н. Л. Членовой избегать в будущем излишней торопливости при публикации материалов. Это пожелание тем более уместно, что подобная же торопливость уже однажды привела ее к научной ошибке: бронзовый меч, найденный в г. Томске, был опубликован ею в качестве уникального меча, происходящего из Минусинской котловины (см. Н. Л. Членова, Бронзовый меч из Минусинской котловины, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 60, 1955, стр. 135—138).

Л. Кызласов

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Л. КЫЗЛАСОВА

Л. Р. Кызласов утверждает, что опубликованные в моей статье писаницы не являются новостью (за исключением писаниц из окрестностей с. Саглы), а собраны экспедицией Н. Богатырева в 1942 г. и хранятся в Тувинском музее. Разумеется, для сотрудников экспедиции Н. Богатырева, а также для людей, имевших возможность отправиться в Кызыл для ознакомления с ними, они не являются новостью. Однако мне кажется, что необходимость публикации хранящихся в музеях материалов не нуждается в доказательствах. С 1942 г. прошло уже 15 лет, а писаницы до сих пор оставались неопубликованными. Сотрудники Тувинского музея еще в 1943 г. обращались к В. П. Левашевой с просьбой опубликовать их (см. стр. 47 моей статьи). В 1953 г., собираясь опубликовать эти материалы, я вновь обратилась в Тувинский музей и получила согласие его сотрудника С. И. Вайнштейна, в ведении которого материалы находились.

Что касается вопроса о недоброкачественности рисунков 1942 г., то в связи с этим хотелось бы обратить внимание Л. Р. Кызласова на рис. 3 и фотографию 3а, являющиеся изображениями одной и той же сцены. Вряд ли можно усмотреть сколько-нибудь существенную разницу между ними. Столь же близки к оригиналу и другие рисунки, сделанные экспедицией Н. Богатырева (это проверено в нескольких случаях по фотографиям).

Л. Р. Кызласов, видимо, не заметил, что далеко не все изображения воспроизведены по рисункам Н. Богатырева, а ряд их представляет собой прорисовки с фотографий, сделанных археологической группой Саяно-Алтайской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1953 и 1955 гг. (рис. 9, 11, 19), хотя об этом сказано и в тексте статьи (стр. 47).

Л. Р. Кызласов говорит о точных эстампажах с рисунков на скалах близ Кызыл-Мажалыка и Тээли, сделанных Саяно-Алтайской экспедицией 1947 г. под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой. Однако ни в архиве ИИМК, ни в Государственном историческом музее этих эстампажей мне обнаружить не удалось. Более того, в отчете С. В. Киселева (Архив ИИМК, ф. I, д. 175) ни слова не говорится о том, что с указанных писаниц снимались эстампажи, хотя в отношении других писаниц это отмечается.

Видеть писаницы собственными глазами мне действительно не пришлось. Поэтому, прочитав в отчете Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева («Краткие сообщения ИИМК», XXVI, стр. 124, и Архив ИИМК, ф. I, д. 175, стр. 8) о том, что писаница из окрестностей Тээли нанесена краской, я обратилась к сотруднику Тувинского музея С. И. Вайнштейну с просьбой уточнить, те ли это самые фигуры и имеются ли другие красочные писаницы в Туве, предполагая сравнить их с писаницами на р. Мале, также красочными и также, по-видимому, поздними. Я получила ответ, что никаких наскальных рисунков, нанесенных краской, кроме китайских и монгольских надписей, не известно, а все писаницы, копии с которых имеются в музее, выбиты на скалах.

Я не вижу другого выхода из создавшегося положения, кроме проверки еще раз этого факта в Тувинском музее.

Что касается датировки писаницы из Тээли, то при всех обстоятельствах она остается прежней: «от VIII в. н. э. до современности», как было сказано в рукописи моей статьи (хранящейся в редакции журнала «Советская этнография»). При редактировании слова «до современности» были заменены словами «не ранее VIII в. н. э.» (стр. 63). Формулировка, на мой взгляд, ухудшилась, но ведь «не ранее» — это тоже совсем не означает, что имелся в виду именно VIII в. На дату, близкую к современной, как справедливо отметил Л. Р. Кызласов, указывают «ручи»; должна только заме-